

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Сумарокова Ольга Леонидовна

канд. ист. наук, научный консультант

Общественный Фонд «Единство Наций»

г. Бишкек, Кыргызская Республика

ВКЛАД ЛАЗАРЯ БУДАГОВА

В РАЗВИТИЕ КИРГИЗСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Аннотация: в статье раскрыта еще одна страница деятельности известного тюрколога-ориенталиста, педагога и драгомана Л.З. Будагова (1812–1878) – работа над «Сравнительным словарем турецко-татарских наречий...», сыгравшим большую роль в стандартизации тогда еще бесписьменного киргизского языка. Исследуется характер влияния на этот труд «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, а также новаторство «Сравнительного словаря», вдохновившее спустя 71 год К.К. Юдахина на создание одного из лучших в киргизской лексикографии «Киргизско-русского словаря».

Ключевые слова: Будагов Л., словарь турецко-татарских наречий, киргизская лексикография, тюркская лексикография, киргизский язык, киргизско-русский словарь.

В 1869 г. был опубликован лучший в списке ученых трудов известного педагога и драгомана Лазаря Захаровича Будагова, выдержавший испытание временем, двухтомный «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык». Примечателен этот факт не только тем, что в Словарь был включен богатый лексический материал киргизского языка, но и своими преемственными связями с непревзойденным «Толковым словарем живого великорусского языка» (1840 г.) В.И. Даля и «Киргизско-русским словарем» (1940 г.), составленным лучшим, по мнению Реформатского, лексикографом в области национально-русских словарей К.К. Юдахиным.

Лазарь Захарович Будагов, армянин по происхождению, родился в 1812 г. на пересечении торговых путей из России в Азию – в Астрахани. Языковое многообразие южного города предопределило интерес его к восточным языкам. В молодости, после окончания астраханской гимназии, а затем с золотой медалью – Отделения восточных языков философского факультета Казанского университета, он преподавал азербайджанский и персидский языки в Тифлисской гимназии. С 1844 г. Л.З. Будагов был зачислен преподавателем азербайджанского языка на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1861 г. он совмещал преподавательскую деятельность со службой в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в должности драгомана с татарского и армянского языков; эту должность он занимал вплоть до своей кончины в 1878 г [1, с. 54].

Благодаря счастливому стечению обстоятельств, в период с 1863 по 1866 гг., когда Будагов уже трудился над составлением своего Словаря, в свет выходили тома словаря Даля. Тюрколог получил уникальную возможность оценить и принцип составления «Толкового словаря живого великорусского языка», и способы размещения слов, и оснащенность словарных статей огромным количеством иллюстративных материалов, чаще всего пословицами, поговорками, разнообразной фразеологией, этнографическим материалом.

Новаторство Даля увлекло Будагова. Принятый гнездовой, а не алфавитный способ группировки слов, энциклопедичность толкования понятий и этнографическая оснащенность словарных статей показали ему оптимальными в достижении поставленной им «двойственной задачи»: «Внимание мое и не могло быть обращено на исключительную разработку предмета с ученой стороны, так как в программу его входило удовлетворение, по возможности, современной и настоятельной потребности, а именно – соединение в один стройный ряд материала научного с практическим, для доставления студентам Восточного факультета и лицам, изучающим азиатские наречия, такого руководства, которое могло бы служить пособием как при чтении литературных произведений, так и для разговора и письменных сношений с мусульманами» [2;VI].

Рассчитывать при этом Будагову приходилось исключительно на свои силы и знания. Как писал видный советский языковед-тюрколог Н.К. Дмитриев о Будагове в подготовительных материалах к соответствующей лекции курса «Введение в тюркологию» для студентов Восточного отделения филологического факультета МГУ, «...в распоряжении автора не было ни Радлова (кроме 1 тома «Образцов»), ни *orhonica, uigrica*, «С<odex> С<umanicus>», ни работ Мелиор<анского>, Катанова, Смирнова, Ашмарина, Пекарского, Корша, ни поздних работ Вамбери (его *Etym.<ologisches> Wb. <Wörterbuch der Turco-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878>*), ни словарей и грамматик по отд<ельным > языкам. И тем не менее» [3, с. 2].

Иными были обстоятельства составления словаря Далем, занимавшим в России высокие чиновничьи посты. Один из его многочисленных помощников тайный советник В.М. Лазаревский (в будущем фактически главный цензор России) так писал о коллективной работе над словарем в канцелярии министра внутренних дел: «В канцелярию собирались в 9 часов, расходились в 3 часа. Эти служебные часы Даль посвящал обыкновенно своим филологическим занятиям. Дома он больше стриг и низал словарный материал. В мое время он получил большие посылки местных слов, образчиков местного говора и т.п. по циркулярам разных управлений, преимущественно от директоров гимназий. Все это описывалось в канцелярии в азбучно порядке, на лентах, ленты нанизывались на нитки, укладывались в картонки по губерниям, по говорам. Были полосы, что все писцы занимались этим исключительно, да еще перепискою сказок, пословиц, поверий и т.п., которые доставлялись Далю во множестве отовсюду» [4, с. 13].

Объем и состав Словаря Будагова определялся, прежде всего, тем, что он был построен на сравнении лексического материала казанского, киргизского, тобольского, уйгурского, башкирского, чагатайского, турецкого, крымского, ногайского и азербайджанского языков, в ту пору еще чисто интуитивно разделенных для проведения сравнительного анализа на две классификационные группы языков – «турецкую» (в современной терминологии – огузскую, или юго-западную) и «татарскую» (кыпчакскую, или восточную). Широкое отражение в Словаре нашла общетюркская и межтюркская лексика, сопровождавшаяся наиболее

обширными словарными статьями. Будагов приводил достаточно широко диалектную, разговорную с пометой «провинц.» или «простон.», табуированную лексику, а также выражения из специфического «женского языка» тюрков. Например, «кир. köbögen детки, ребяташки (старушечье слово)» [5, с. 142].

Источниками лексики для данной работы послужили восточные толковые и переводные словари тюркских языков, тюрко-европейские словари, художественные произведения Алишера Навои, Бабура, Абу-ль-Гази и др., записки тюркского фольклора и т.п. Уникальным является и тот факт, что автор словаря нашел необходимым «выставлять иногда и народное, неправильное произношение слов, для того, чтобы читатель встречая подобные слова в письменности, не принял их за другие; помещены также и некоторые русские слова, искаженные транскрипцией; такие слова, в письме, тоже могут ввести в заблуждение неопытного переводчика» [2; VIII].

Материал в словаре был организован по гнездовому принципу: все производные формы одного корня составляли определенное гнездо слов, во главе которого находился глагол или имя. Помимо словообразовательной стороны, Будагова заботила грамматическая характеристика тюркских языков в целом. Этим объясняется обилие в Словаре грамматических статей, посвященных описанию образования залогов глагола, причастий и т.д. По мнению Н.К. Дмитриева, эти «грамматические экскурсы» могли служить «материалом для буд.<ущей> сравн.<ительной> гр.<амматики>» [3; 4].

Была, однако, у словаря и особенность, превратившая обычный переводной словарь в энциклопедию быта тюркских народов, их общественно-политической и культурной жизни. Умело используя немецкую методику «Wort und Sache», суть которой заключалась в изучении этимологии слов параллельно с изучением артефактов и культурных понятий, обозначающихся этими словами, Будагов значительно обогатил свой лексикографический труд:

- удачными разъяснениями этимологического состава большинства слов;
- наличием полезных кратких объяснений административных, правовых, научных, религиозных терминов со ссылкой на соответствующий источник;

Научные исследования: от теории к практике

– краткими пояснениями к географическим названиям, именам героев тюркского фольклора, словам, обозначающим реалии быта и обычаи тюрков.

К примеру, при толковании слова кармакъ, в переводе с киргизского языка означающего «крючек, удочка, удить удочкой», Будагов приводит пояснительную справку о том, что этим словом, кроме того, «называется местными жителями Туркестана форт № 2-й, от которого недалеко находится могила киргизского святого, известного также под названием кармакчи, питавшегося во всю жизнь рыбою» [5, с. 11]; в статье, посвященной киргизскому слову кунъ в значении «плата за кровь, за убийство, за увечье; месть, мщение», говорится также и о том, что «у кирг. за убийство платится 1000 баранов, за увечье, смотря по важности поврежденного члена тела» [5, с. 94] и др.

Вслед за Далем, Будагов помимо перевода использовал прием толкования слов посредством синонимов, а также вводит в свой Словарь множество тюркских народных пословиц и поговорок в качестве иллюстративного материала. На энциклопедичность Словаря указывает то, что при многих тюркских заглавных словах отмечается факт их заимствования в русский язык. Среди них – *барабан* [2, с. 236], *буран*, *буранить* [2, с. 274], *жупан* [2, с. 452], *таракан* [2, с. 721], *чушка* [2, с. 491], *магарыч* [2, с. 249] и т.д.

«Отступления эти казались мне нелишними, – отмечал составитель, – если принять в соображение недоступность для всякого и разбросанность тех источников, на которые здесь указывается» [2; VI].

Таким образом, многое унаследовав из опыта Даля, Л.З. Будагов стал основателем новой традиции в тюркской лексикографии, согласовав и реализовав в одной работе принципы описания материала в толковых, переводных и этимологических изданиях. Традиция эта воплотилась через 71 год в богатейшем «Киргизско-русском словаре» К.К. Юдахина, представившем киргизскую лексику во всем ее многообразии, включая историко-этнографические понятия, устаревшие слова, столь необходимые для понимания фольклорных текстов.

Возвращаясь к Словарю Будагова, отметим, что тираж его был небольшим. Он составил всего 1500 экземпляров, однако по объему оказался одним из самых

крупных академических словарей XIX в. – I том составил 810 страниц, II – 418. В статье «От автора» исследователь скромно обозначил свой труд как «первый и слабый опыт, который мог бы послужить для других основанием или, пожалуй, материалом, для более обширного и более ученого труда» [2; VI]. Однако уже первая страница словаря наводит на мысль о том, какой титанический труд был вложен скромным доцентом, драгоманом V класса Лазарем Захаровичем Будаговым в работу, ставшую значимым преемственным звеном в развитии тюркских языков, становлении тюркской лексикографии, изучении исторических связей русской культуры с культурами тюркских народов.

Список литературы

1. Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. – М., 1989.
2. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. В 2 т. Т. 1. / Сост. Л.З. Будагов. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1869.
3. Личный архив российского ученого-тюрколога Л.С. Левитской.
4. Лазаревский В.М. Из бумаг Лазаревского. 1. Биографический очерк. 2. Знакомство с Далем. 3. Переписка с Далем. – М., 1894.
5. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. В 2 т. Т. 2. / Сост. Л.З. Будагов. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1871.